

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЛИЦ, НЕСУЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

В статье анализируется гражданско-правовое положение лиц, выполняющих функции единоличных органов юридических лиц, или являющихся членами коллегиальных органов юридических лиц. Делается вывод о том, что возложение на этих лиц обязанности возмещать причиненные юридическому лицу убытки, в том числе и неполученную прибыль, а также субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица – должника (банкрота) представляет собой неоправданно жесткую ответственность. Это формирует у названных лиц социально-психологическую готовность к совершению имущественных преступлений и морально оправдывает их совершение. Поэтому соответствующие положения актов гражданского законодательства предлагается изменить.

Попытка уточнить содержание субъективной стороны правонарушений, допущенных лицами, о которых в статье идет речь, указанием на недобросовестность или неразумность действий таких лиц, лишь усложнило понимание содержания ст. 53.1 ГК и создало логически неразрешимую коллизию между положениями абзацев первого и второго п.1 ст. 53.1 ГК. Обосновывается целесообразность исключения из ст. 53.1 ГК указания на недобросовестность и неразумность, имея в виду, что недобросовестность является волевым признаком вины и лишь повторяет его, а неразумность является интеллектуальным признаком вины и лишь повторяет его.

Ключевые слова: коммерческий подкуп; маргинализация; убытки; контролируемые лица; субсидиарная ответственность.

В настоящей статье излагаются результаты исследования гражданско-правового положения лиц, выполняющих функцию единоличного органа юридических лиц, или являющихся членами коллегиальных органов юридических лиц. Именно эти лица чаще всего являются субъектами получения имущественных выгод в связи с коммерческим подкупом, они же могут и предоставлять имущественные выгоды другим лицам, а эти их действия влекут ответственность, предусмотренную ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность исследования проблемы, являющейся темой настоящей статьи, обусловлена необходимостью учета особенностей правового положения лиц, несущих уголовную ответственность по указанной статье, и при установлении такой ответственности, и при ее применении, и при разработке мер, направленных на предотвращение совершения такого рода преступлений.

Гражданско-правовые аспекты правового положения лиц, о которых здесь идет речь, в последнее время стали предметом внимания ученых Камышанского В. П., Тарасенко А. И., Шиткиной И. С., Колесниковой С. Г. и других. Однако соответствующие исследования не касались проблемы таких особенностей правового положения этих лиц, которые имеют криминогенное значение.

Целью настоящей статьи является поиск соответствующих особенностей гражданско-правового положения лиц, выполняющих функции единоличного органа юридических лиц, или являющихся членами коллегиальных органов юридических лиц

лиц. Статья подготовлена по материалам доклада, с которым автор выступил на симпозиуме «Взяточничество и коммерческий подкуп в гражданских правоотношениях», который состоялся в Севастопольском государственном университете 20 ноября 2019г.

Автор исходит из того, что неустойчивость социального статуса личности, угроза маргинализации является одним из важнейших криминогенных факторов. Поэтому государство должно стремиться к обеспечению устойчивости социального статуса каждого человека. Особенно это касается тех социальных групп, которые способны существенно влиять на другие социальные группы и на общество в целом. К таким социальным группам и принадлежит социальная группа, которую составляют лица, осуществляющие функции единоличных органов юридических лиц, и лица, входящие в состав коллегиальных органов юридических лиц.

Трудовой кодекс исходит из того, что лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа организации (наряду с другими функциями) является работником, кроме случаев, когда руководитель организации является единственным участником (учредителем), членом организации, собственником ее имущества, или когда управление организацией осуществляется по договору с другой организацией (управляющей организацией) или индивидуальным предпринимателем (управляющим) (ст. 273 ТК). Поскольку лицо, выполняющее функции органа юридического лица, является работником юридического лица, его отношения с юридическим лицом являются трудовыми (часть первая ст. 15 ТК). А эти отношения регулируются Трудовым кодексом, а также федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, иными нормативными правовыми и нормативными актами, содержащими нормы трудового права (часть первая ст. 5 ТК). При этом в отношении федеральных законов специально указывается на то, что они для того, чтобы регулировать трудовые отношения, должны соответствовать Трудовому кодексу (часть третья ст. 5 ТК), а в случае противоречий между Трудовым кодексом и другим федеральным законом, содержащим нормы трудового права, применяется Трудовой кодекс (часть четвертая ст. 5 ТК).

Гражданский кодекс уже в первоначальной редакции исходил из возможности частичного регулирования отношений между юридическим лицом, с одной стороны, и лицами, выступающими от его имени, – с другой, гражданским правом: «Лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Оно обязано по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не предусмотрено законом или договором, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу». Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ этот подход был радикализован. Было установлено, что правовой статус лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительных документов юридических лиц уполномочены выступать от имени юридических лиц, а также членов коллегиальных органов юридических лиц определяется этим «Кодексом и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах» (п. 4 ст. 53 ГК). Трудовой кодекс при всем желании нельзя отнести к законам о юридических лицах, принятым в соответствии с Гражданским кодексом. Тем же Федеральным законом Гражданский кодекс был дополнен статьей 53.1, устанавливающей особенности гражданско-правовой ответственности лиц, уполномоченных

выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридических лиц, а также лиц, определяющих действия юридического лица.

У автора настоящей статьи есть понимание того, как разрешить коллизию между приведенными здесь законодательными положениями. Но цель настоящей статьи заключается не в разрешении указанной коллизии, а в том, чтобы обратить внимание на возникшую вследствие этой коллизии правовую неопределенность. Каждый человек, не склонный к девиантному поведению, стремится к правовой определенности, ибо правовая неопределенность угрожает маргинализацией и утратой привычного и достойного социального статуса. Неслучайно Конституционный Суд в своей практике то и дело обращается к принципу правовой определенности. Ранее он преимущественно обращался к принципу правовой безопасности, который Конституционный Суд выводил из ст. 17, 19, 46, 55 Конституции (Постановление от 16 июня 2009г. № 9-П; Определение от 8 апреля 2010г. № 524-О-П). В последнее время мы встречаем ссылки Конституционного Суда на принцип правовой определенности, который квалифицируется им как один «из основных признаков верховенства права» (п. 4 Постановления от 12 января 2018г. № 2-П). Полагаем, что, по крайней мере, для целей ведущегося здесь анализа понятия правовой определенности и правовой безопасности могут быть отождествлены, имея в виду, что «правовая безопасность» (*Rechtssicherheit*) – это идущая от немецкой правовой системы «правовая определенность».

Так вот, руководители организаций, выполняющие *inter alia* функции единоличных исполнительных органов организаций (юридических лиц), и члены коллегиальных органов организаций (юридических лиц) оказались в ситуации правовой неопределенности. Применительно к данному случаю уместнее было бы говорить, что они оказались в правовой небезопасности, что будет подтверждено дальнейшим анализом. Напомним, что в таком положении оказались люди, которые могут быть названы теми, кто составляет несущие конструкции трудовой организации общества. Должно быть понятно, что «несущие конструкции» с неопределенным правовым статусом не могут быть добротными. Это – нечто ненадежное и временное.

Поэтому законодателю надо было озаботиться для начала хотя бы проблемой выбора того из кодексов, который будет определять правовой статус лиц, о которых здесь идет речь, и в соответствии с которым этот статус будет определяться. Но этим проблемы неустойчивости правового статуса указанных лиц не будут решены. Надо будет рационально решить проблему объема и оснований материальной (если правовой статус будет хотя бы в базе определяться Трудовым кодексом) или имущественной (если правовой статус будет определяться Гражданским кодексом) ответственности.

В соответствии со ст. 277 ТК на руководителя организации возлагается обязанность возмещения причиненных организации убытков «в случаях, предусмотренных федеральными законами». Федеральными же законами в соответствии со ст. 281 ТК приведенное правило может быть распространено и на членов коллегиальных исполнительных органов организаций. Совсем иначе этот вопрос решается ст. 53.1 Гражданского кодекса. Никаких случаев, предусмотренных федеральными законами не установлено: убытки, причиненные лицами, выполняющими функции единоличных органов юридических лиц, и лицами, входящими в состав коллегиальных органов юридических лиц, возмещаются всегда (правда, при наличии вины.

Впрочем, это – отдельный вопрос. Не исключено, что – и без вины). Тут мы обнаруживаем еще одну коллизию, усиливающую неопределенность правового статуса руководителей организаций. В науке эта коллизия разрешается весьма своеобразно: специалисты в области трудового права разрешают ее в пользу преимущественного применения Трудового кодекса [1, с. 100; с. 12; 3, с. 100], игнорируя п. 4 ст. 53 ГК (в публикациях, подготовленных после включения этого пункта в указанную статью Федеральным законом от 5 мая 2014г. № 99-ФЗ), в соответствии с которой «отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах». Специалисты в области гражданского права считают, что преимущественно должен применяться Гражданский кодекс [1, с. 352], не вдаваясь в анализ положений Трудового кодекса, признающих отношения между руководителем организации и самой организацией трудовыми и допускающих применение гражданского законодательства к таким отношениям только для целей расчета убытков (часть вторая ст. 277 ГК).

Теперь надо было бы как-то оценить влияние ответственности, установленной ст. 53.1 ГК, на социальный статус лиц, о которых речь идет в настоящей статье. Руководитель организации, как бы работник, выполняющий функции единоличного органа юридического лица, несет бремя ответственности перед руководимым им юридическим лицом. Как бы ни была велика заработная плата руководителя (или плата за услуги, которые получает единоличный орган юридического лица) несоизмерима с находящейся в состоянии непрерывного воспроизводства (что постоянно угрожает неполученной прибылью) имущественной сферой организации (юридического лица). Но он (руководитель, единоличный орган) несет ответственность и за всю эту имущественную сферу, и за то приращение, которое эта имущественная сфера должна была принести в виде дохода (прибыли), да не принесла, в связи с чем и возникла неполученная прибыль, которую должно возместить лицо, которому суждено было стать руководителем организации. Это – неприемлемо жесткая гражданско-правовая ответственность. Она является более жесткой, чем уголовное наказание и по существу заменяет последнее. Монастырский Ю. Э. обратил внимание на неэффективность механизма применения уголовной репрессии в отношении руководителей организаций, а более широко, по терминологии Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» – контролирующих лиц [5, с. 184]. Вот и нашли замену уголовной репрессии в гражданско-правовой ответственности, которая способна разрушить социальный и имущественный статус руководителя организации и вытолкнуть его на периферию социальной среды лучше любого уголовного наказания. При этом руководитель объективно выталкивается за пределы законопослушной среды в ту среду, где противоправное, в том числе и уголовно-наказуемое поведение, является нормой и нравственно оправдывается.

Но на изложенном указанное выталкивание не заканчивается. Далее следует закрепление в п.1 ст. 53.1 ГК принципа вины как условия возложения на руководителей организаций, выполняющих функции их единоличных исполнительных органов, и членов коллегиальных органов юридических лиц, обязанности возместить убытки, в том числе и неполученные доходы (упущенную выгоду). Само по себе это заслуживает положительной оценки. Но тут же законодатель устанавливает еще одно правило, ставящее под сомнение принцип вины: «Лицо, которое в силу закона,

иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску» (абзац второй п. 1 ст. 53.1 ГК). Трудно понять, для каких целей это правило было закреплено в законодательном акте непосредственно после того, как был закреплен принцип вины. Если поставить вопрос о том, что же все-таки является условием ответственности – вина, с одной стороны, или недобросовестность или неразумность, – с другой, то на такой вопрос юридическая наука дать ответ не может: чтобы решать такие вопросы, юридическая наука должна исследовать проблемы правотолкования, чем она всерьез не занимается уже более ста лет. Да и сами понятия недобросовестности и неразумности являются оценочными, а законодатель дополняет их двумя другими оценочными понятиями обычных условий гражданского оборота и обычного предпринимательского риска. Такое нагромождение оценочных понятий заставляет согласиться с Карапетовым А. Г.: «... Здесь мы, по сути, имеем легализацию судебного ретроспективного правотворчества, т.е. выработку судом новых, не отраженных в законе или договоре правил поведения на основе анализа оценочного понятия «добросовестность» и применения их к факту конкретного спора, с тем последствием, что поведение одной из сторон, отклоняющееся от этого выводимого судом стандарта поведения, будет считаться неправомерным и влечь фиксацию нарушения договора и привлечение лица к ответственности. Постепенное накопление такой судебной практики и ее фиксация на уровне правовых позиций ВС РФ позволяет сформировать массив «прецедентного» права, дополняющий законодательное регулирование обязательственных отношений все новыми и новыми обязанностями и ограничениями» [3, с. 42]. Законодатель, по существу, переложил правотворческую функцию на суды. Задачей настоящей статьи не является анализ проблемы профессиональной (интеллектуальной и нравственной) готовности судей к осуществлению указанной функции судами (судьями), но все-таки большее уважение законодателя к Конституции должно было бы удерживать его от формулирования таких законодательных положений, которые объективно ставят судей перед необходимостью заниматься правотворчеством.

Если стремиться к краткости, то надо сказать одно: абзац второй п.1 ст. 53.1 ГК не дополняет Гражданский кодекс чем-либо положительным. Он только вносит правовую неопределенность в соответствующие общественные отношения. Поэтому его из Гражданского кодекса надо исключить. Тогда в п.1 ст. 53.1 ГК остается только принцип вины [4, с. 287]. Принцип вины приближает юридическую ответственность к справедливости. Принцип вины хорошо знаком отечественной юриспруденции. Плохо только то, что в гражданском праве действует презумпция вины. Вообще, это, может быть и неплохо, но применительно к ответственности за убытки (в том числе за неполученные доходы) лиц, о которых речь идет в ст. 53.1 ГК, указанная презумпция должна рассматриваться как еще одна угроза маргинализации этой категории лиц. Сравним п.1 ст. 53.1 ГК с ч. 5 ст. 204 УК. Последняя предусматривает жесткую санкцию. Но все-таки она небеспредельная, как ответственность в виде возмещения убытков. К тому же при применении уголовного наказания действует презумпция невиновности. Законодатель последователен в примене-

нии презумпции виновности по отношению к гражданско-правовой ответственности лиц, о которых здесь идет речь. Общее правило п. 2 ст. 401 ГК о презумпции виновности, распространяющееся на отношения, регулируемые п.1 ст. 53.1 ГК, в силу п.2 ст. 307.1 ГК, он дополняет специальной правовой нормой, закрепленной в п.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: «Контролирующее должника лицо, вследствие действий и (или) бездействия которого невозможно полностью погасить требования кредиторов, не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует». Попутно заметим, что указанный Федеральный закон устанавливает презумпцию не только вины этих лиц, но и презумпцию причинной связи: «Пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств...» (п.2 ст. 61.11 названного выше Федерального закона). Устанавливается также, что контролирующее лицо для того, чтобы освободиться от субсидиарной ответственности по обязательствам должника (банкрота), должно доказать, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов (п. 10 ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Еще одним средством придания неустойчивости правовому статусу руководителей организаций, выполняющих функции их единоличных исполнительных органов, и членов коллегиальных органов юридических лиц является солидарный характер их ответственности за причиненные юридическому лицу убытки (при совместном причинении убытков), что предусмотрено п.4 ст. 53.1 ГК, и солидарный характер контролирующих лиц по обязательствам должника (банкрота), что предусмотрено п.8 ст. 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». В последнем случае признак совместного причинения неблагоприятных для кредиторов последствий не является обязательным. Нетрудно понять, насколько угрожает социальному и имущественному статусу контролирующих лиц перспектива отвечать солидарно, особенно при отсутствии перспективы переложить соответствующие доли неисполненных обязательств должника (банкрота) на других субсидиарно обязанных лиц или на других лиц, несущих ответственность за совместно причиненные убытки.

Столь жесткая ответственность руководителей организаций, выполняющих в том числе функции их единоличных исполнительных органов, и членов коллегиальных исполнительных органов таких организаций (по терминологии Трудового кодекса), лиц, которые в силу закона, иного правового акта, учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени (по терминологии Гражданского кодекса), лиц, которые в силу нормативных правовых актов уполномочены совершать сделки от имени должника (банкрота), а потому относятся к категории контролирующих лиц (по терминологии Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), выходит за пределы того бремени, которое объективно способны нести лица, о которых здесь идет речь.

Представляется, что избранный вариант правового регулирования отношений между юридическими лицами и физическими лицами, правовой статус которых анализируется в настоящей статье, является неприемлемым. Безусловно должна быть исключена ответственность за убытки в виде неполученных доходов, кроме

случаев умышленного причинения убытков такого рода. Предел этой ответственности должен определяться заранее. Пусть это не будет трудо-правовая ответственность работника перед работодателем. Пусть это будет традиционно более жесткая гражданско-правовая ответственность. Но она должна определяться исходя из заработка (дохода), который лицо получало от юридического лица. Такой вариант предусматривается ст. 204 УК, то есть даже размер уголовной ответственности ставится в зависимость от заработка (дохода). Нет препятствий в таком определении предела ответственности в рассматриваемых случаях за причиненные убытки в гражданском праве.

Оптимизация гражданско-правовой ответственности, снижение ее до разумного уровня оправдывали бы ужесточение уголовной ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК) и злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК). Названные статьи Уголовного кодекса предусматривают ответственность при наличии умысла. Гражданско-правовая ответственность за неосторожные нарушения не может быть более жесткой, чем уголовная ответственность за умышленные нарушения. Это – правило, в соответствии с обычным представлением о справедливости к воплощению которого в систему регулирования общественных отношений должен стремиться законодатель.

Придание большей целесообразности правовому статусу лиц, выполняющих функции единоличных органов юридических лиц или являющихся членами коллегиальных органов юридических лиц, предполагает интенсификацию научных исследований этой проблемы.

Список литературы

1. Акопов, Д. Правовое регулирование труда руководителей организаций по новому Трудовому кодексу Российской Федерации / Д. Акопов. – Текст непосредственный. // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 98-103.
2. Глазырин, В. В. Правовое положение в трудовых отношениях органов управления акционерных обществ / В. В. Глазырин. – Текст непосредственный. // Законодательство и экономика. – 1997. – № 3-4. – С. 10-18.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. – М. : Статут, 2017. – 1120 с. – Текст непосредственный.
4. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. – М. : Статут – 2005. – 476 с. – Текст непосредственный.
5. Монастырский, Ю. Э. Институт убытков в гражданском праве России / Ю. Э. Монастырский. – М. : Прометей, 2018. – 182 с. – Текст непосредственный.
6. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М. : Статут, 2016. – 351 с. – Текст непосредственный.

Rotan V. G. Civil and legal status of some persons, carrying the responsibility for the commercial bribery / V. G. Rotan // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – P. 156-163.

The article analyzes the civil and legal status of persons, implementing the functions of the individual organs of judicial persons or judicial persons which are members of the collective bodies. It draws a conclusion that putting the whole responsibility to indemnify judicial person for losses on these persons, lost profits including, and also the subsidiary responsibility for the obligations of the judicial person - the debtor (bankrupt) represents unjustified rigid responsibility. It creates social and psychological readiness of these persons to make property crimes and morally justifies its fulfillment. Therefore, the relevant provisions of acts of civil law are proposed to be amended.

The attempt to clarify the content of the subjective side of the offenses, committed by the persons referred to in the article, by pointing to dishonesty or unreasonable actions of such persons, only complicated the understanding of the content of Article 53.1 of the Civil Code, and created a logically insoluble conflict between the provisions of the first and second paragraphs of part 1 of Article 53.1 of the Civil Code. The expediency of exclusion the reference to dishonesty and unreasonableness from Article 53.1 of the Civil Code is justified, bearing in mind that dishonesty is a strong-willed sign of guilt and only repeats it, and unreasonableness is an intellectual sign of guilt and only repeats it.

Key words: commercial bribery, marginalization, losses, control persons, subsidiary responsibility.

Spisok literatury`

1. Akopov D. Pravovoe regulirovanie truda rukovoditelej organizacij po novomu Trudovomu kodeksu Rossijskoj Federacii / D. Akopov // *Xozyajstvo i pravo*. – 2002. – № 9. – S. 98-103.
2. Glazy`rin V. V. Pravovoe polozhenie v trudovy`x otnosheniyax organov upravleniya akcionerny`x obshhestv / V. V. Glazy`rin // *Zakonodatel`stvo i e`konomika*. – 1997. – № 3-4. – S. 10-18.
3. Dogovornoe i obyazatel`stvennoe pravo (obshhaya chast`): postatejny`j kommentarij k stat`yam 307-453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. A. G. Karapetova. – M. : Statut, 2017. – 1120 s.
4. Kozlova N. V. Pravosub`ektnost` yuridicheskogo licza / N. V. Kozlova. – M. : Statut – 2005. – 476 s.
5. Monasty`rskij Yu. E`. Institut uby`tkov v grazhdanskom prave Rossii / Yu. E`. Monasty`rskij. – M. : Prometej, 2018. – 182 s.
6. Pokrovskij I. A. Osnovny`e problemy` grazhdanskogo prava / I. A. Pokrovskij. – M. : Statut, 2016. – 351 s.